

руживается “присутствие объекта в самом процессе знания” (Н. О. Лосский), или сам процесс знания принадлежит бытию (Н. А. Бердяев и др.). В живознании обнаруживается “имманентное самооткровение реальности” (С. Л. Франк). Самобытие индивида раскрывается как само бытие, происходит совмещение подлинно-конкретной всеобщности с подлинно-конкретной индивидуальностью. Имманентное открывается трансцендентному.

В таком случае “опыт” становится понятием религиозным. Ведь суть религии — в восстановлении прерванной связи между человеком и Богом, имманентным и трансцендентным, жизнью людей и жизнью-вообще (природой), единичным и всеобщим. Религия не противостоит жизни, а только в ней и есть. Опыт ведет через открытость иному, к самооткровению и к откровению трансцендентного.

Итак, важнейший вывод опыта — откровение. Но ведь откровение — обретение мудрости, истины. Именно возможность откровения делает опыт основой творчества. Само же творчество в таком случае оказывается не выдумкой, не иллюзией, не фантомом, не созданием нового “из ничего”, а открытием потаенного, отворением, раствором, выявлением неявленного, откровением сокрытого, то есть “просветом Бытия”, обретаемым в опыте.

С. А. Ковальчук
Пермь

ВРЕМЯ И КУЛЬТУРА

Время как элемент теоретической системы связано, с одной стороны, с объектом, но, с другой стороны, и с субъектом, который создает его. Вследствие этого на рассмотрение времени будут оказывать влияние временные представления субъекта, которые во многом формируются под влиянием культуры. Вот почему любая концепция времени существует в определенном контексте культуры. Человек приобщается к миру посредством культуры, поэтому и представление времени также неизбежно опосредовано культурой. Культура, в этом отношении, предваряет любой познавательный акт. Опосредованное культурой представление времени логически предшествует эмпирическому созерцанию временных аспектов событий и дискурсивно-понятийному рассуждению о времени.

Представление времени для нас неотъемлемая данность, мы оперируем им неявно; представление времени невозможно окончательно вербализовать, так как оно присутствует не только в нашем сознании, но и по ту сторону сознания, в бессознательном. В этой связи, следует отметить, что представление времени достается людям посредством культуры без ясного его понимания. Оно неявно складывается в культуре, при этом представление времени конструктивно, так как определяется людьми, исходя из их потребностей, и, следовательно, исторично. Представление времени меняется в течение времени большой длительности, оно устойчиво, но не неизменно. При этом его устойчивость как раз и объясняется тем, что оно не осознается до конца человеком.

Исходя из вышесказанного, следует отметить, что и сами научные теории создаются не только через опытное исследование мира, но, в первую очередь, с помощью сложившихся научных и культурных традиций, которые явно или неявно имеют место в деятельности любого ученого. К примеру, трудности, связанные с принятием идеи необратимости времени в качестве научного положения, обусловлены во многом внутренним развитием самих наук (для физики — отсутствие в течение длительного времени эмпирического обоснования необратимости), но нельзя недоучитывать тот факт, что существовала экзистенциальная проблема — страх человека оказаться бездомным и незащищенным во Вселенной, лишиться прочного основания в этом мире. (Необратимость, как правило связывалась с неустойчивостью.) Поэтому для принятия идеи необратимости времени в качестве научного положения необходимо было пересмотреть культурные традиции, которые существовали со времен античности (мы здесь имеем в виду взгляд на роль случайности и хаоса для человека). Такие ученые, как Э. Геккель, С. Аррениус, Дж. Льюис, считали, что принятие физикой необратимости явилось бы введением в нее “ненаучного”, личностного элемента. Следовательно, в неявном неприятии необратимости было больше личностного элемента и культурной традиции, чем это тогда предполагалось учеными.

Все это говорит о том, что наука существует и развивается в системе культуры и решает во многом те же проблемы, что стоят и перед культурой. Смена научной парадигмы не происходит обособленно от культуры.

Происходящее в настоящее время сближение концепций времени в физике, биологии, истории является ни чем иным, как поиском новой экзистенциальной парадигмы, и, соответственно, нового решения проблемы необратимости времени и

нового ответа на вопрос о том, каково место человека в открытом и неустойчивом мире. В теории неравновесных систем необратимые процессы не являются источником хаоса, наоборот, они стали источником порядка, время начинает играть конструктивную роль. Открытость мира представляется человеку как источник развития.

В. М. Князев
Екатеринбург

ТВОРЧЕСТВО И ВЫСШИЕ ДУХОВНЫЕ СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Творчество есть ничто иное как явленное действие человеческого духа. Вне деятельности духа нет творчества. Отнимите от происходящего силу духа, его свет смысла и все утонет в хаосе бестолковой множественности и убийственной дисгармонии, ибо из жизни происходящего вы уберете силовые линии целостности и единства.

Дух есть начало, сосредоточие и венец жизни и потому духовная природа творчества органистична, природно-естественна. Жизненная энергия творчества человека коренится в мудрости эволюционного разума объемлющего нас бытия. Энергичный источник творчества вне нас, но через нас — через жизнь генетического разума с его системой безусловных инстинктов.

Горделивое заявление человека, что он творит нечто новое, не существующее до него в мире не выдерживает критики. Перед лицом Вечности лик новизны эфемерен. Конечно, атрибутивным свойством творчества является новизна творимого. Но творимого кем, в мере какого пространства, по существу или по видимости?

Отвечая на эти вопросы, мы должны признать, что, во-первых, всякое творчество человека есть его сотворчество с объективно происходящим творчеством жизни объемлющего нас бытия. Безусловно, это творчество человека есть творчество одиночки, ибо все творцы одиноки, но одиночество творца есть одиночество предстоящего перед ликом творящего чуда жизни, входящего на правах субъекта — “подставки”, носителя в постоянно изменяющееся поле жизни. Это одиночество есть добровольное изгнаничество в диалог с сущностью. А диалог не есть монолог, ибо в нем есть вопрос, восприятие, понимание и свободное следование необходимости.